

— Хы-ыт, президент...

От влажного голоса, тихо зовущего, – милого, Чехён плотно прижимал губы к мягкой щеке. Каждый раз, когда губы касались и отрывались со звуком, место, где сжимается член, постепенно приближалось к телу. Сначала головка, потом середина ствола, и наконец – ближе к корню. Так приятно вставить до конца. Чехён восхищённо ощупывал пальцем дырку, которая приняла его целиком.

— У-ын... Щекотно.

— Щекотно? Где?

Когда злорадно специально спросил, от стыда поясница двигалась. Даже капризничает мило.

— Надо сказать, чтобы помочь.

— Внут...ри. Внутри щекотно...

Застенчиво бормочущий голос тоже был красивым.

— Это внутри щекотно?

Когда Чехён, ощупывавший дырку пальцем, плотно надавил с силой, видимо, от сильного напряжения, мышца, держащая член, безжалостно сжалась. Да уж. Только член – уже предел, а если ещё и палец засунуть, может, правда, кровь пойдёт.

— Не хочу, хык, это страшно...!

Чехён убрал руку, гладившую между ягодиц, и провёл по мягким волосам. Когда поцеловал ровный лоб, плечи слегка съёжились.

— Ш-ш-ш. Расслабься, чтобы двигаться. Хороший?

Когда уговаривал и успокаивал сладким голосом, низ, сжимавшийся до предела, чуть-чуть расслабился. Не упустив этот момент, Чехён отодвинул член назад, а затем снова квак вогнал.

— Ахык!

Голова откинулась назад, обнажив гладкую линию шеи, полностью захватившую взгляд Чехёна. Вытянутая, мелко дрожащая линия заставила грудь ныть, и Чехён быстро плотно прижал губы и туда.

— Ат, хы-а...! Президент, хык... Президент...!

Где бы ни тыкал членом внутри, издавал пронзительные звуки, и сердце Чехёна билось всё быстрее. "Больно", "хватит" – не это, а когда услышал такой томный голос? Когда чувствовал тепло, плотно обнимающее за спину, словно прося вставить больше, – кажется, это был первый раз. Чехён, любя горячее нутро, полностью принимающее его, ещё сильнее обнял.

— Фу... Хорошо...?

Вопрос, который никогда не задавал, просочился между губами Чехёна. Поскольку партнёру никогда не казалось хорошо, никогда не спрашивал. И твёрдо верил, что спрашивать, хорошо ли, – безвкусно. На самом деле по реакции можно было понять, хорошо или плохо, но всё равно

Чехён хотел услышать подтверждение.

— У-ын...! Хоро...шо! Хак, так хорошо!

— Член вкусный?

— Хы-ыт, вкусный... Аык, вкусный...

— А, правда, блядски заводит.

От слова "вкусный" у Чехёна побежали мурашки.

— Чей член вкусный?

— Хы-ан, президент. Аа...! Президент, член, хыт...!

Чехён крепко закусил нижнюю губу. Сердце, усердно работающее, горячо наполнилось. Как объяснить это удовлетворение.

— Ха-а... Президенту тоже вкусно...?

На вопрос, обращённый к нему, Чехён, с трудом сдерживаясь, потёрся своими губами о мягкие. Какой очевидный вопрос.

— Да, вкусно. Блядски... вкусно.

— Кто вкусный?

Внезапно, без стопа, чётким голосом спросил, и Чехён рассмеялся. Кто же ещё.

— Пак Сану, ты блядски вкусный.

Постой. Пак Сану?

Пак Сану!? Этот извращенный гей сукин сын!?

— Хык!

Чехён, проснувшийся ото сна, быстро опустил руку и пощупал низ. Блядь. Невольно вырвалось ругательство. К счастью, сегодня нижнее бельё не было насквозь промокшим. Просто чуть-чуть влажное благодаря текущей предэякуляту. Неплохо отделался? Чехён, стоная, на широкой кровати покатался и лёг на живот. Который день уже? После ночи с извращенцем Чехён совсем измучился.

Утренняя эрекция – совершенно естественное явление, поэтому торчащий член не был проблемой. Просто сон, который видел с первого дня, как отправил Сану домой, был проблемой. Настолько, что казалось, слово "инкуб" было правдой, – каждую ночь во сне появлялся Сану. И очень в пикантном виде. С одним и тем же репертуаром.

Из-за Сану, спрашивающего, кто вкусный, Чехён с первого дня каждый день переживал поллюции, которых не было 10 лет – с тех пор, как был старшеклассником. Стоило вспомнить образ Сану из сна, который извивался, вращая поясницей на нём, и даже сейчас готов излить сперму...

— Ха, блядь.

Из-за сна, который видит каждый день, Чехён промок влагой. Засовывал как хотел, даже как следует не попробовал позицию наездника.

Был ли секс с Сану слишком провокационным – Чехён, думавший, что через день забудет, на следующий день стирал промокшее спермой нижнее бельё и впал в самобичевание. Поэтому перед сном попробовал разрядиться в одиночку, смотря порно, но Сану неизменно приходил в сон Чехёна и спрашивал, кто вкусный. Тёмные круги под глазами становились всё темнее, настолько, что даже сотрудники, относившиеся к нему как к главному врагу, беспокоились.

Так до утра пятницы, когда каждый раз встречался с Сану, Чехён стирал нижнее бельё, промокшее от ненужных фантазий. Насолько дошло, что даже думал – а может, это про суккубов или инкубов было правдой? Говорят, инкубы – демоны снов, может, из-за того, что я сказал, что не верю, мстит, являясь во сне? Может, так высасывая жизненную энергию, умру? Что бы ни было, действительно соблазнительный сукин сын.

Чехён, жалко выстирав руками в раковине ванной, дрожащими руками отправил Сану сообщение. "Когда занятия закончатся сегодня?"

[В 4.]

Около 12 пришло сообщение без единого смайлика, далёкое от милоты, и с того момента Чехён не находил себе места. Хотелось немедленно помчаться в университет Сану и похитить. Нет, не похитить, а воткнуться в единственную дырку, которая может принять его член до конца. Что я делаю – не буйствующий сексуальным желанием старшеклассник же. Чехён бился лбом о твёрдый деревянный стол, но поднимал голову и проверял время. То, что ещё не было даже часа дня, ещё больше взбесило Чехёна.

Сану, проверив сообщение от Чехёна, отреагировал равнодушно: "Что такое?" Это было содержание о том, что лично приедет забрать – с каких пор между нами такие нежные отношения? Как и говорил Чехён, отличалась ли эффективность спермы, поглощённой сверху, от спермы, поглощённой прямой кишкой, – вплоть до сегодняшнего дня, когда прошла неделя, Сану не чувствовал особого голода. Или же, может быть, съел так много, что энергия до сих пор не израсходована полностью. В любом случае, хоть и не мог ощутить вкус обычной еды, но это точно был день, отличающийся от пятниц последних нескольких недель.

Глядя на Сану, который даже не ответил, а просто сунул телефон в карман, Инсу скорее сделал неоднозначное выражение лица. Было любопытно, что это, но не хотелось специально спрашивать, кто это, и доставлять себе неудобства. Однокурсник, который какое-то время был не в себе, вдруг пришёл в норму и стал хорошо слушать на занятиях. Теперь, когда он разгуливал по университету с видом просветлённого, было трудно совсем отключить интерес. И сейчас Сану листал учебник по специальности, словно ни о чём не думая. Было давно, когда Сану, любитель внимания, демонстрировал такое отношение типа "всё равно, что происходит в мире".

— А у тебя-то что.

Инсу, не выдержав любопытства, в конце концов первым спросил Сану.

— Любопытно?

Увидев выражение удовлетворения от того, что привлёк внимание Инсу, улыбнувшись, поднимающееся любопытство упало на дно.

— Нет.

На решительный ответ Инсу Сану, наоборот, схватился за подол одежды Инсу и затряс. Почему же ты перестаёшь интересоваться? Спроси ещё! Обрати на меня внимание!

— Тот человек, о котором ты говорил раньше?

Когда уступивший на один шаг Инсу спросил, Сану усердно закивал головой.

— Да. Почему-то в последнее время хорошо относится.

Даже сказал, давай попробуем вместе постараться. Голос Чехёна "надо ли нам вместе постараться" автоматически воспроизвёлся в ушах, и Сану один улыбался. Может, всё-таки он не полностью игнорировал мою ситуацию? Было приятно и хорошо, что кто-то, не являющийся семьёй, вместе переживает.

— Тогда тебе же хорошо? Будешь много вкусного есть.

— Много ем и хорошо, но...

Ел так чрезмерно много, что было трудно до такой степени. И оставалось тонко неловкое чувство. Хоть и не знал, что это такое, оно кук-кук покалывало в сердце Сану. Нет, честно говоря, Сану и сам знал, что это такое. Раз уж родители до такой степени неправильно поняли, всё сказано. Это был тот факт, что Чехён - мужчина.

Действительно ли я не гей? Хоть и пытался не думать глубоко, Сану никак не мог стереть вопрос, который всплывал в сердце. Чтобы просто получать сперму Чехёна в качестве пищи, вместе делали слишком много всего. Если бы только не плакал ан-ан, насаженный на член Чехёна. Если бы только так делал, уверенно сказал бы, что я не гей.

Но чтобы утверждать, что он гей, член другого мужчины не то чтобы противен был на вид - даже представлять не хотелось. Совершенно не было любопытно, как выглядит член Инсу, который прямо сейчас перед глазами.

Может, президент тоже переживает такое же, как я? Не думает ли он ничего, занимаясь со мной, явно крепким мужчиной, сосанием и кусанием? Если настолько упрекал меня, мол, чем можно гордиться, валяясь с мужчиной, у Чехёна тоже может быть неприязнь к поддержанию этих странных отношений с мужчиной. И всё же Чехён всегда и везде выглядел невозмутимым. Может быть, в отличие от моих мыслей, он уже привык к тому, чтобы выходить за рамки сосания и кусания с мужчиной и даже заниматься сексом. Тогда проблема была только в сердце Сану, в нём самом.

— Кажется, проблема во мне.

На многозначительные слова Сану Инсу откликнулся соответственно.

— То кажется, что такие ли это правильные отношения, а то, как только встречаюсь, всё время увлекаюсь.

Более серьёзные отношения, чем думал? Инсу забеспокоился о друге, который был где-то

недостаточен по сравнению с другими. Глядя на то, как Сану так говорит, подумалось, что это может быть замужняя женщина. Если это неправильные отношения между мужчиной и женщиной, то это могло быть только изменой. Инсу искренне посоветовал не очень-то дорогому однокурснику.

— Просто перестань встречаться.

— Но ведь сейчас нуждающийся - это я?

Глядя на Сану, который засмеялся и ответил, будто ничего не поделаешь, Инсу про себя сглотнул вздох. Этот ублюдок серьёзно настроен? Реально влюбился в эту богатую замужнюю женщину, которая хорошо кормит? Внезапно стало жалко однокурсника, влюбившегося в неосуществимую любовь, и Инсу похлопал Сану по плечу.

Сану тоже уловил смысл "держись", который был в этих прикосновениях. На мгновение у Сану стало странное настроение. Хоть Чехён и противный, но всё же не был совершенно безнадёжным и полностью мусорным человеком. Слегка захотелось заступиться за Чехёна, и Сану усердно стал приводить оправдания.

— Сказал, что заберёт, когда занятия закончатся сегодня. На самом деле не такой уж плохой человек.

Образ Сану, старающегося приукрасить, показался Инсу невыносимо жалким, и Инсу изобразил выражение лица, что максимально понимает. Ублюдок, занимаясь любовью, которой заниматься нельзя, притворяется, что всё нормально.

Непонимание Инсу в отношении Сану всё больше углублялось, но один только Сану этого не осознавал.

<http://bllate.org/book/14976/1505476>